МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-89-94

АЛЬ-ШАРИФИ Мохаммад Хайдер,
Студент, «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г.Казань,
e-mail: valiakhmetov.zufar@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННЫЕ ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ИРАКА)

Аннотация. *В рассматриваемой статье сделан акцент на вопросы применения норм международного гуманитарного права (далее по тексту МГП) в условиях современных вооруженных конфликтов на примере Ирака. Рассматриваются особенности трансформации характера вооружённых конфликтов в конце XX - начале XXI века, включая участие международных коалиций, негосударственных вооружённых формирований и транснациональных террористических организаций. Особое внимание уделяется реализации основных принципов международного гуманитарного права - разграничения, пропорциональности, предосторожности и гуманности - в ходе военных кампаний в Ираке, начиная с конфликта 1990 - 1991 годов, интервенции 2003 года и последующей борьбы с террористической организацией ИГИЛ [2]. Анализируется проблема правовой квалификации современных конфликтов, вопросы статуса участников вооружённых действий, а также выполнение норм оккупационного права и обязательств по защите гражданского населения. В работе выявляются ключевые проблемы практического применения норм международного гуманитарного права в условиях асимметричных и гибридных конфликтов [5]. Сделан вывод о необходимости адаптации существующих механизмов международного гуманитарного права к новым формам вооружённой борьбы при сохранении его фундаментальных принципов.*

Ключевые слова: *международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, защита гражданского населения, Ирак, право вооруженных конфликтов.*

AL-SHARIFI Mohammad Haider,
Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AND CONTEMPORARY ARMED CONFLICTS (WITH A FOCUS ON IRAQ)

Annotation. *The article focuses on the application of international humanitarian law (IHL) in modern armed conflicts, using the example of Iraq. It examines the transformation of armed conflicts in the late 20th and early 21st centuries, including the involvement of international coalitions, non-state armed groups, and transnational terrorist organizations. Special attention is paid to the implementation of the basic principles of international humanitarian law - delineation, proportionality, precaution, and humanity - during the military campaigns in Iraq, starting with the 1990-1991 conflict, the 2003 intervention, and the subsequent fight against the terrorist organization ISIS. The paper analyzes the legal qualification of modern conflicts, the status of participants in armed actions, and the implementation of occupation law and obligations to protect civilians. The paper identifies key issues in the implementation of international humanitarian law.*

Key words: *international humanitarian law, armed conflict, protection of civilians, Iraq, law of armed conflicts.*

Введение

Международное гуманитарное право занимает важное место в системе международного публичного права и направлено на регулирование поведения сторон в условиях вооружённых конфликтов. Основной задачей данного правового института является ограничение средств и методов ведения войны, а также защита лиц, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях, включая гражданское население, раненых, военнопленных и иных категорий лиц, находящихся вне боевых действий.

Современная международная обстановка характеризуется существенной трансформацией вооружённых конфликтов. Если ранее большинство войн носило классический межгосудар-

ственный характер, то в конце XX - начале XXI века наблюдается появление новых форм конфликтов, включая внутренние вооружённые противостояния, гибридные войны, борьбу с международным терроризмом и участие негосударственных акторов [6]. Важную роль также играют транснациональные военные коалиции, частные военные компании и различные вооружённые формирования, действующие вне рамок традиционных государственных структур.

В этих условиях применение норм международного гуманитарного права сталкивается с рядом серьёзных вызовов. Среди них - сложность разграничения комбатантов и гражданского населения, использование населённых пунктов в качестве зоны боевых действий, применение новых технологий ведения войны, включая беспилотные летательные аппараты, а также использование террористическими организациями тактики «живого щита» [4].

Одним из наиболее показательных примеров применения международного гуманитарного права в современных условиях является Ирак. На протяжении последних десятилетий данное государство стало ареной нескольких вооружённых конфликтов различного характера: международного вооружённого конфликта 1990 - 1991 годов, военной интервенции коалиционных сил в 2003 году, а также длительной борьбы против террористической организации ИГИЛ. Эти события продемонстрировали сложность реализации норм международного гуманитарного права на практике и выявили ряд противоречий между юридическими нормами и реальной военной практикой [1].

Анализ иракского опыта позволяет выявить основные проблемы применения международного гуманитарного права в современных вооружённых конфликтах, включая вопросы правовой квалификации конфликтов, соблюдения принципов пропорциональности и разграничения, а также выполнения обязательств оккупирующих держав по обеспечению безопасности и гуманитарной защиты гражданского населения.

Целью исследования является анализ особенностей применения норм международного гуманитарного права в современных вооружённых конфликтах на примере Ирака, а также выявление основных проблем их реализации в условиях трансформации характера вооружённой борьбы.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи исследования:

Рассмотреть теоретические основы и принципы международного гуманитарного права.

Проанализировать особенности трансформации вооружённых конфликтов в конце XX – начале XXI века.

Исследовать практику применения норм международного гуманитарного права в ходе вооружённых конфликтов в Ираке.

Оценить проблемы правовой квалификации конфликтов и статуса участников вооружённых действий.

Рассмотреть вопросы реализации норм оккупационного права и защиты гражданского населения в условиях военных действий.

Выявить основные проблемы применения международного гуманитарного права в условиях асимметричных конфликтов и борьбы с терроризмом.

Материалы и методы исследований

Материальной основой исследования послужили международно-правовые акты, регулирующие вопросы международного гуманитарного права, включая положения Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним, нормы Гаагских конвенций 1907 года, а также другие документы международного права, регламентирующие правила ведения вооружённых конфликтов и защиту гражданского населения [10].

Также в работе использованы резолюции Совета Безопасности ООН, международные доклады правозащитных организаций, аналитические материалы международных институтов, а также научные публикации отечественных и зарубежных исследователей в области международного права и международных отношений.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания. В частности, применялись:

системный метод, позволивший рассмотреть международное гуманитарное право как целостную систему правовых норм;

сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления международных правовых норм с практикой их применения в условиях вооружённых конфликтов;

метод правовой интерпретации, использованный для анализа содержания международных правовых норм и их практического применения.

Использование данных методов позволило комплексно исследовать особенности функционирования международного гуманитарного права в современных условиях и выявить основные проблемы его реализации на практике.

Результаты и обсуждения

В общем понимании, международное гуманитарное право (далее по тексту МГП) представляет собой совокупность норм международного права, ориентированных на ограничение средств и методов введение войны в условиях вооруженных конфликтов, которая также включает в себя защиту гражданского населения, не принимающая участие в боевых действиях, а также лиц, переставших принимать в них участие. Конец XX - начало XXI века стало переломным

моментом и настоящим вызовом для МГП: это развитие средств введения вооруженной борьбы, модернизация акторов и форм вооруженных конфликтов [2]. Участие в вооруженных конфликтах транснациональных коалиций, широкое применение БПЛА и кассетных бомб, неклассифицируемых с точки зрения юриспруденции формы насилия (к таковым относятся террористические организации и другие). Самым оптимальным решением проверки адаптивности МГП к современным реалиям можно рассмотреть на конкретном примере, и в данной статье таким примером выступает сам Ирак. Это государство за короткий промежуток времени перетерпело несколько вооруженных конфликтов, что только подчеркивает актуальность рассматриваемой нами проблемы [9]. Изучение взаимодействия практики и права на примере Ирака - вот одна из основных задач статьи.

Источниковой базой МГП выступают международные договора (Женевская конвенция 1949 гг. и дополнительных протоколов на ее базе), а также общепризнанные принципы обычного международного права, которые базируются на 4 базисных основах:

Принцип разграничения (разделение участников вооруженных конфликтов на комбатантов и некомбатантов, которые влияют на их положение в режиме военного плена. Комбатанты - это лица, входящие в состав вооруженных сил того или иного государства, принимающая активное участие в военных действиях. Правовой статус комбатанта включает в себя право применять силу, что, в конечном счете, при попадании в плен выражается в обращении с этим объектом как с военнопленным. Некомбатанты - это те же лица, принимающие участие в вооруженных конфликтах, но оказывающие лишь консультативную, медицинскую или информационную помощь, то есть активного прямого участия в боевых столкновениях такие лица не принимают. К таковым можно отнести медицинский и духовный персонал, юристы, корреспонденты и тд. Если же некомбатанты принимают активное участие на линии боевого соприкосновения, то они автоматически переходят в статус комбатанта и теряют свой прежний правовой статус [8].

Принцип пропорциональности - это запрет на атаки, чей побочный эффект может оказать губительное воздействие на окружающую среду.

Принцип предосторожности - использование обязательных мер для предотвращения гибели мирных жителей.

Запрет на применение средств и методов ведения войны, противоречащий гуманности человека.

В современных условиях, очень сложно отследить реальное положение дел при соблюдении данных правил и принципов (например, принцип разграничения осложняется в борьбе с негосударственными акторами, которые, в большинстве своем, маскируются под гражданских, или в худшем случае, используют население как «живой щит»).

Вообще конфликты подразделяется на международный и внутренний. Они различаются по своему характеру и применимым норм по отношению к себе. Женевские конвенции, ее протоколы содержат в себе разные наборы норм и правил дл урегулирования конфликта. Что касается Ирака, то в истории применялись оба варианта: международная война 1990-1991х годов и последующая международная интервенция в 2003 году, с другой стороны террористические операции против группировок «ИГИЛ», которые можно отнести к внутренним конфликтам [1].

Применение МГП в истории с Ираком осложняется присутствием иностранных коалиций, контингентов и использованием большого количества наемников из разных стран не только Европы, но и мира [3]. Все это в совокупности создает немало проблем в решении вопросов о статусе участников и применения тех или иных норм против них, что ведет к созданию неоднозначных юридических трактовок и их применению на практике.

В 1990-х годах Ирак начинает полномасштабное вторжение в Кувейт с целью исправления исторической несправедливости (как считал сам Саддам Хусейн) и попутно избавление от колоссального финансового долга перед Кувейтом. США оказали полную поддержку данной инициативе. Все это вызвало широкий международный резонанс под мандатом Совета Безопасности ООН. Данный пример продемонстрировал применение МГП в статусе международного конфликта, включая вопросы применения вооруженной силы и защиты гражданского населения. Однако возникали трудности в оценке последствий санкций и предпринятых гуманитарных мер, направленных на гражданское население [5].

Вторжение коалиционных сил в Ирак 20 марта 2003 года и дальнейший оккупационный режим породили массу проблем в использовании МГП в практической деятельности: применение силы против иного государства без четкого мандата Совета Безопасности ООН, статус партизанских и коллаборативных формирований, обязанности оккупационной администрации по отношению к гражданскому населению [4]. Оккупационное право (раздел МГП, регулирующий обязанности оккупирующей силы) вступило в полное противоречие с реальной практикой – это полное разрушение инфраструктуры, несвоевременная поставка гуманитарной помощи, нарушение пра-

вопорядка и условий безопасности гражданского населения.

Борьба с ИГИЛ, которая длится и в наши дни, в различных территориях Ирака, полностью изменила характер и трактовку вооруженной борьбы перед мировым сообществом, которая поставила задачу нейтрализации транснациональной террористической организации, действующую как на территории Ирака, так и за его пределами. Все это в совокупности поставило ряд глобальных задач и вызовов [3].

В первую очередь возникает следующий вопрос: «к какой классификации относится данные военные действия?». С одной стороны весь мир сплотился против террористической организации и после ряда успехов ИГИЛ, ряд государств вмешалось в конфликт, происходящей в Ираке. Однако с другой стороны, война также относилась к ряду «гражданской войны», тем самым возникло противоречие [7]. Использование против террористов специальных мер по уничтожению (включая операции с использованием специальных дронов и авиаударов), уничтожение через приемник персонального вызова и различных спецопераций иностранных сил также вызывает вопросы в применении к ним МГП.

Защита гражданского населения в условиях «нечестной борьбы», к которой очень часто прибегал ИГИЛ является еще одной насущной проблемой и вызовом [10]. В теории, противоборствующие стороны должны соблюдать нормы и правила по защите гражданского населения (в крайнем случае - нейтралитет по отношению к ним). В ситуации с ИГИЛ, которые использовали мирное население как «живой щит», тем самым защищая себя, или удары по мирному населению (детям, старикам, женщинам) с целью напугать мир и показать якобы свою «силу», использование гуманности по отношению к ИГИЛ сводился к нулю.

Все эти примеры показывают изменение характера актора, а именно появление негосударственного транснационального противника и использование механизмов сдерживания требуют гибкой, прагматичной интерпретации МГП, без ослабления ее основных принципов [2].

На примере Ирака можно выделить основные проблемы применения МГП в современных условиях:

Разграничение прямых участников конфликта и гражданских лиц;

Пропорциональность и оценка военной выгоды;

Стратегия «асимметричной» войны и терроризм;

Проблемы оккупационного характера;

Участие внешних акторов и правовой ответственности.

Разграничение прямых участников конфликта и гражданских лиц является одной из важнейших задач на этапе введения борьбы и не всегда это удается делать успешно. Особенно это очень сильно выражается в городских боевых столкновениях и в партизанских войнах. Партизанские отряды не имеют отличительных знаков и в основном действуют среди мирного гражданского населения, что вызывает затруднения в разграничении. В самом Ираке данная ситуация приводила к немалым спорам о недопустимости ударов по мирному населению, если даже партизанские отряды боевиков находятся среди них. Все это несет ответственность за преднамеренные жертвы.

Проблема пропорциональности и оценки военной выгоды кроется в дисбалансе соотношения ожидаемого военного преимущества и существующего вероятного вреда гражданским лицам, инфраструктуре. Для максимальной минимизации вреда требуется точная и детальная информация, но в условиях Ирака все это было затруднительно, так как боевые действия велись в густонаселенных районах, территориях - что априори создает массу проблем. Применение принципа пропорциональности часто разбивался на частые случаи разрушительного ущерба для гражданской инфраструктуры.

Применительно к проблеме «асимметричной» войны, которая основывается на дисбалансе противоборствующих сторон и применимых к ним кардинально различных тактик, стратегий также важно упомянуть Ирак. Применение противниками тактик основанных на терроризме и радикализме стирали грани «допустимого», что ставят стороны конфликта перед дилеммами относительно допустимости атак и мер по защите гражданского населения. В таких существующих условиях, государства – операторы нередко применяют расширенные толкования правил самообороны и использования мер пресечения угроз.

Проблема оккупационного управления и восстановления является одним из самых сложных и критикуемых институтов МГП. В соответствии с нормами Гаагских правил (1907 года) и Женевской конвенции (1949 года), оккупирующая страна должна и обязана обеспечить ряд обязательных для выполнения правил: общественный порядок, безопасность жизни населения, содействие удовлетворению его основных гуманитарных потребностей [6]. В условиях современных конфликтов, эти обязательства приобретают особое значение, поскольку именно они определяют легитимность действий и решений оккупирующей администрации и степень ее соответствия существующим нормам, а также перспективы последующего восстановления государственного суверенитета [9].

В случае Ирака (речь идет о военных конфликтах 2003-2011 годов), международное сообщество столкнулось с рядом острых проблем и дискуссий на тему реализаций норм МГП в период оккупации. После военной интервенции США и коалиционных сил в 2003 году, Ирак оказался в состоянии полной оккупации, хотя в мире юридическая трактовка этого статуса вызывало дискуссии [2]. Официально, действия США и коалиции оправдывались целями «восстановления порядка» или «демократизация страны», однако как показывает практика, выполнение обязательств оккупирующей державы часто носила непоследовательный характер.

В первую очередь, были слабо соблюдены меры по обеспечению защиты гражданского населения. Несмотря на создание временной администрации, Ирак оказался в состоянии внутреннего хаоса, которая сопровождалась массовыми нарушениями прав человека, большим всплеском этноконфессионального насилия и деятельностью вооруженных группировок. Вся это ситуация полностью противоречила статьи 43 к IV Гаагской конвенции, которая принуждала оккупирующую державу предпринять все меры по восстановлению общественного порядка и обеспечения безопасности». Ничего этого сделано не было.

Далее наблюдались серьезные нарушения в сфере защиты гражданской инфраструктуры и сохранность объектов культурного наследия. Разрушение объектов энергетики, водоснабжения, медицинских учреждений, а также грабежи и уничтожение культурных ценностей (можно привести пример разграбление Национального музея Ирака в Багдаде) свидетельствовали о неисполнении международных обязательств в части охраны объектов культурного наследия, закрепленных в статьях 53 и 56 Гаагских правил [3].

Гуманитарные обязательства также выполнялись лишь фрагментарно и в разовом режиме. После вторжения сил коалиции гуманитарная ситуация в стране ухудшилась – большая часть населения страны осталась без питьевой воды и продовольствия, начался процесс сокращения медицинского обслуживания. Все это ставит под сомнение эффективность коалиционного управления и вызывает вопросы о соответствии его действий принципам пропорциональности и гуманности, закрепленных в Женевской конвенции.

Ну и в конце важно отметить еще один момент. Согласно МГП, оккупированная власть не может диктовать свои условия и менять политическую, правовую систему оккупированной территории. Ее можно менять только при необходимости обеспечения безопасности и и поддержания правопорядка внутри страны [1]. В Ираке Временная коалиционная администрация пошла по другому пути – начиная от роспуска армии, силовых структур и заканчивая изменением структуры государственного управления, начала процесса приватизации государственной собственности. Все это вызвало массу критики среди представителей международной юриспруденции, потому что все это нарушало все нормы и правила МГП и принцип суверенитета.

Таким образом, опыт Ирака демонстрирует неэффективность существующих норм МГП реагировать и регулировать на отношения сторон в ходе военных конфликтов. Трансформация акторов, методов и средств борьбы требуют адаптации практики, усиление механизмов подотчетности и разработки конкретных мер для защиты гражданского населения. Только соблюдение принципов МГП, адаптивности военных доктрин и эффективность международной кооперации позволит если не укоренять, то минимизировать последствия вооруженных конфликтов в современном мире. Это серьезный вызов для современной мировой юриспруденции.

Список литературы:

[1] Барановский В. Г. Современные вооружённые конфликты и международное право. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 384 с.

[2] Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. – М.: Норма, 2016. – 752 с.

[3] Каламкарян Р. А. Международное право: учебник. – М.: Проспект, 2019. – 560 с.

[4] Капустин А. Я. Международное право. Общая часть. – М.: Юрайт, 2020. – 512 с.

[5] Кешнер М. В. Международная ответственность государств: теория и практика. – М.: Норма, 2018. – 320 с.

[6] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

[7] Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 2011. – 380 с.

[8] Скакун О. Ф. Международное гуманитарное право: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2017. – 256 с.

[9] Тиунов О. И. Международное гуманитарное право. – М.: Норма, 2015. – 304 с.

[10] Тункин Г. И. Теория международного права. – М.: Зерцало, 2000. – 416 с.

References:

[1] Baranovsky V. G. Modern armed conflicts and international law. - M.: Aspect Press, 2019. - 384 p.

[2] Ignatenko G.V., Tiunov O.I. International law. - M.: Norma, 2016. - 752 s.

[3] R. Kalamkaryan. International law: textbook. - M.: Prospect, 2019. - 560 s.

[4] Kapustin A. Ya. International law. General part. - M.: Yurayt, 2020. - 512 s.

[5] Keschner M.V. International responsibility of states: theory and practice. - M.: Norma, 2018. - 320 s.

[6] Lukashuk I. I. International law. General part. - M.: Wolters Kluver, 2005. - 432 s.

[7] Marochkin S. Yu. Action and implementation of the norms of international law in the legal system of the Russian Federation. - Tyumen: Publishing House TSU, 2011. - 380 s.

[8] Skakun O. F. International Humanitarian Law: A Study Guide. - M.: Infra-M, 2017. - 256 s.

[9] O. Tiunov, International Humanitarian Law. - M.: Norma, 2015. - 304 s.

[10] Tunkin G.I. Theory of international law. - M.: Mirror, 2000. - 416 s.

